

Основы эстетической и критической позиции Тредиаковского приводили его к признанию примата содержания художественного произведения над его формой. Он подчеркивает, выявляя иной раз механистичность своего эстетического мышления, что смысл произведения — это в нем главное, единственно важное, а стиль, стих и т. п. — лишь орудие выражения смысла или даже иногда безразличная оболочка, не влияющая на внутреннюю суть дела. «Подлинно, тщетный будет гром в стихе, когда иначе мыслит автор, а иное пишет и изображает речью», — говорит он в примечании к своему переводу «Поэтического искусства» Буало. Ибо Тредиаковский различает в области стиля, так сказать, внутренние, идейно-ответственные элементы и те, которые он признает лишь внешней формой, по его мысли, безразличные или мало значимые в идейном отношении. К первым он относит прежде всего и больше всего лексику, отбор слов, для него неотделимый от семантического движения стиха. Ко вторым он относит, так сказать, «украшения», размер стиха, рифму, звуковую инструментовку стиха. К выбору и применению этих внешних элементов он равнодушен, не усматривая в них (разумеется, ошибочно) выражения идеи. Именно поэтому он отчетливо разделяет понятия поэзии и стихов, и в этом, несмотря на недооценку им идеологического существа формы, он принципиален. «Прямое понятие о поэзии есть не то, чтоб стихи составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать. Творение есть расположение вещей после оных избрания; вымышление есть изобретение возможностей, то есть не такое представление деяний, каковы они сами в себе, но как они быть могут или должны; а подражание есть следование во всем естеству описанием вещей и дел по вероятности и подобию правде. Всяк видит, что стих есть все не то: творение, вымышление и подражание есть душа и жизнь поэмы; но стих есть язык оных» («Мнение о начале поэзии»). «Стих — дело не великое, — говорит Тредиаковский в предисловии к «Аргениде», — а пиит в человечестве есть нечто редкое». Отсюда же и его формулировка относительно стилистических «систем»: «...которая система простее, та и лучше; довольно трудности при стихах и от сыскания мыслей».

На этом же разделении «внутренних» и «внешних» элементов стиля основана позиция Тредиаковского в пресловутом споре об эмоциональном (и жанровом) характере размеров русского стиха. Спор возник в 1743 г. между тремя поэтами-теоретиками — Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым. Изложен он Тредиаковским в предисловии («Для известия») к брошюре «Три оды парафрастические» (1744). Ломоносов утверждал, что стопа ямба «высокое сама собою имеет благородство, для того, что она возносится снизу вверх... и что, следовательно, всякой героический стих, которым обыкновенно благородная и высокая